

Владимир Минин, народный артист России, дирижер Московского Камерного Хора

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

Что касается русской культуры, то, как мне представляется, она всегда отличалась высокой нравственностью и высоким помыслом. Для меня это вещи основополагающие. Я своим творчеством стремлюсь это исповедовать. Обращаясь к русской музыке, будь то симфоническая музыка, оперная или хоровая, с которой я непосредственно связан в своей деятельности, я нахожу в ней глубокую идейность в хорошем смысле этого слова. В русском искусстве, в русской музыке всегда поднимались проблемы этические, проблемы нравственные, проблемы национальные, государственные, проблемы личности. Вот, скажем, сочинение, которое мы сейчас готовим к записи на фирме «Дойче граммофон» – хоровой цикл Танеева на стихи Полонского. Я процитирую несколько строк из номера под названием «Молитва»: «Отче наш, Сыну моления внемли. Всесозидающую, всепоглощающую, братскую дай нам любовь на земли». Или, скажем, сочинение Свиридова на стихи Блока «Икона», которое мы тоже исполняем. Речь не идет о текстах узко-церковных. Это вполне светские тексты, и они все проникнуты высоким нравственным смыслом.

- Вероятно, это связано с тем, что долгое время в русском искусстве доминировала церковная идея, которая фактически подавляла светское начало?

Нет. В русском музыкальном искусстве всегда было два русла. Первое, действительно, церковная музыка, несущая высокий смысл. Но всегда существовало и второе направление – народная песня. И если оставить в стороне развлекательные жанры типа частушки, то можно обнаружить очень важный жанр народной музыки, а именно, лирическую песню. Что всегда в ней было? В ней всегда был выражен идеал, к которому стремился человек. Это тоже глубина чувства и, если хотите, высота помысла. И когда эти два русла сливались, то получалась «Всенощная» Рахманинова, «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, опера, которую скорее хочется назвать ораторией, в которой есть и исповедальность, и высота помысла, и забота о русском граде, то есть некий символ государственности. Так что, когда эти два русла сливались в одно, получалась очень полноводная река.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Если понятие «культура» рассматривать очень широко, то одной из главных ее составляющих является уровень нравственности. И тогда одной из вершинных эпох я назвал бы конец 19-го века. Если брать общество в целом, то в это время оно было на пике своего подъема, хотя тогда же началось и его загнивание. На пике этого подъема творчество Тургенева, Толстого, Достоевского. В музыке это достижения Чайковского, Мусоргского, особенно Мусоргского. Неслучайно так притягателен Мусоргский для современных театральных деятелей на Западе. Как его ставят – это другой вопрос. Часто современные постановки опер Мусоргского вызывают у меня содрогание. Но если в течение всего 20-го века его оперы постоянно идут во всем мире, значит, содержание этого художественного материала позволяет современному человеку постигать определенные нравственные глубины.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Я думаю, в области нравственности – это сплошные потери. Все, что при советской власти лакировалось и давилось, теперь выплыло наружу. В результате мы имеем то, что имеем. Советская власть воспитывала новую поросль, нового человека, и чего она добилась? Что мы наблюдаем повсеместно? Бандитизм, коррупцию и полное отсутствие идеалов. Конечно, сказались и то, что выросло несколько поколений в ситуации антирелигиозной пропаганды. В результате советская власть воспитала человека, у которого нет морали, нет рамок: что можно, а что нельзя. И совести тоже нет. А что такое совесть? Совесть – это оценка собственного поступка. Почему человек краснеет? Ему стыдно за какие-то поступки. Сейчас всем не стыдно. Вот что мы получили в области нравственности. А в области культуры? Есть ли какая-нибудь потребность в высоком искусстве? Требуется развлекательность, и больше ничего.

- Но люди во все времена любили развлекаться. Нельзя же отнять у них эту вполне естественную потребность?

Нельзя. Но дело в том, что перевешивает на чаше весов в обществе, что звучит в повседневной жизни, что звучит с концертной эстрады, что звучит по радио, по телевидению, какие слова произносятся в эфире. Конечно, я уже старый человек, но даже в молодости я не мог себе представить, чтобы по радио мне сказали: «Оторвись всласть!». Никогда такого жаргона не было. А теперь это норма языка на радио, на телевидении. Я с тоской наблюдаю за тем, что происходит, и вижу в этом «заслугу» именно советского общества. Это его наследие.

- Вы не видите ничего положительного в русской культуре постсоветского времени?

Есть отдельные моменты, которые для меня только подчеркивают контраст частного случая и общей картины. Частных случаев достаточно много. Возьмите Мариинский театр, которым руководит Валерий Гергиев, или оркестр Владимира Федосеева. Раньше они не могли бы достичь таких результатов, потому что все было нельзя. Теперь многое можно, а у них есть художественные идеи, которые они успешно реализуют.

- Может быть, не такое уж плохое время наступило для талантливых людей?

Я не сказал, что нынешнее время плохое. Не бывает плохих и хороших времен. Есть время, в котором ты живешь. Но в нынешнее время реализовать себя может в большей мере тот человек, который «набирал» багаж раньше. Теперь, когда возникла возможность реализовать себя сполна, он это осуществляет. Еще один пример – Евгений Кисин. Как очень одаренный музыкант он заявил о себе еще в советское время, но по-настоящему смог реализовать себя только тогда, когда уехал на Запад. Сюда он приезжает на гастроли.

- Не кажется ли вам, что постсоветское время напоминает послереволюционное, когда деятели русской культуры разъехались по всему миру и русская культура при их живом участии стала оплодотворять культуру мировую?

Абсолютно то же самое, и я не вижу в этом ничего плохого. Все равно Рахманинов остается русским музыкантом, и Шаляпин тоже, и Кисин останется русским исполнителем.

- Но разве с каждым уехавшим наша культура не несет колоссальные потери?

Безусловно, какие-то потери есть, но ведь не может же Кисин гастролировать в России и выступать в какой-нибудь тьмутаракани.

- А Рихтер мог проехать всю страну на поезде и выступать в рядовых музыкальных школах. Может быть, Рихтер был просто воспитан советской эпохой, когда смысл творчества не подкреплялся напрямую количеством денежных знаков?

Я думаю, это позиция конкретного человека, в данном случае Рихтера. Бог дал ему талант, Нейгауз его обучил, и он должен был отдать свое искусство людям. Всем, кто хотел его слышать, а не завмагам в первом ряду партера Большого зала консерватории. В идеале все должны бы принять рихтеровскую позицию художника, который, отдавая, получает. Увы, это невозможно. Но с другой стороны, многое зависит и от слушателя. У кого есть потребность, тот обязательно найдет записи «недоступного» исполнителя и будет слушать, но для этого должна быть разбужена душа. А вот это сейчас, в наше время и есть главная проблема.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Мне представляется, что наши лидеры в общем-то не густо позолочены слоем культуры и живой заинтересованности в культуре с их стороны не наблюдается. Конечно, у них и без этого забот хватает: и политика, и экономика, и военные проблемы. Но в идеале лидер должен больше внимания обращать на культуру. В данный момент этого не происходит. Иначе было в царское время, когда существовало два оперных и два драматических императорских театра в Петербурге и в Москве. На эти театры обращалось достаточно серьезное внимание, они щедро финансировались. Это не значит, что рядом не было других хороших театров. Сейчас Большому театру до императорского во всех смыслах далеко. «Вырвался» только Маринский. А остальные получают от государства понемножку и существуют также понемножку.

- И все-таки почему вы считаете, что лидеру государства полагается заботиться о культуре?

Объясню на примере из нашей гастрольной жизни. Однажды нам предстояли концерты в Японии, и я обнаружил в расписании гастролей четыре дневных концерта в школе. Я мысленно представил себе нашу школу, и мне стало не по себе. Но спорить не стал. Перед концертом в японской школе посмотрел на ребяташек – смеются, бегают. Нормальные дети. На концерте – абсолютная тишина. После концерта спрашиваю директора: «Как вы воспитываете ваших детей? Почему они ведут себя так смиренно? Ведь музыка не такая уж простая для восприятия». А он отвечает: «Ваш концерт – 25-й в этом сезоне в нашей школе». Они привозят из Европы самые известные коллективы и самых видных музыкантов. Когда я спросил у президента «Джапан артс», зачем они это делают, он ответил: «Наши дети получают традиционное воспитание – и религиозное, и нравственное, но мы хотим научить их творчески мыслить. Вот почему нам нужно искусство из Европы». Для того, чтобы человек любой профессии работал творчески, а не как робот, ему нужна культура. А это в широком смысле забота все-таки государства.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Я думаю, что опека государства нужна, по крайней мере в отношении крупных коллективов: оркестров, театров, хоров. И такая опека постепенно начинает возникать. Мне известно, по крайней мере, что с 2003 года будет довольно широко вводиться в практику так называемый государственный заказ. Это означает финансовую поддержку определенных творческих проектов.

- Это похоже на то, что было при советской власти?

Не совсем. Предполагается целевое финансирование, то есть под определенные творческие проекты государство будет выделять деньги. А при советской власти была зарплата и определялись расходы на весь год, причем в объеме гомеопатическом. Сейчас должны быть гораздо более крупные суммы под определенную «заявку» коллектива. Но, конечно, коллектив должен как-то зарекомендовать себя. Мне такая идея нравится.

б. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Все зависит от того, что имеется в виду под словом «элитарность». Если имеется в виду искусство для избранной публики, то я не причисляю себя к поклонникам такого искусства. Мне видится в этом снобизм: группа лиц получает наслаждение от того, что обсуждает «новое платье короля». Я предпочитаю искусство, которое доступно людям. Неважно, имеет человек музыкальное образование или нет, важно, чтобы он имел разбуженную душу. И я, конечно, за «народность». Не за доступность и упрощенность, а за народность в том смысле, который теперь почти утрачен. Допустим, я сижу в зале, где звучит Вторая симфония Малера. Нельзя сказать, что это музыка, легкая для восприятия. Но я вижу вокруг себя людей, которые пришли специально послушать Малера. Это дорого стоит. Я не знаю, кто они по профессии, но по их лицам я вижу, что это люди, которые жаждут высокого искусства. Это меньшая часть населения. К сожалению, бóльшая предпочитает модные песенки.

- Не окажется ли «потребителей» высокого искусства так мало, что оно станет уделом действительно очень узкого, элитарного круга?

Это скорее вопрос доступности искусства в обществе. Доступности и понимания. Мне хотелось бы сравнить советское или постсоветское общество с русским обществом начала 20-го века. Я не беру аристократический слой. Я имею в виду общество в целом. Тогда тоже было развлекательное искусство, например, цыганский хор у «Яра» или частушки в деревне, кстати, творчество более высокого уровня, чем сейчас попса. Но соотношения были, конечно, иные. Искусство высокое занимало достойную нишу, имело свои приоритеты. Сейчас попса занимает колоссальный объем, чуть ли не 90 процентов нашего населения всецело увлечено попсой. Она звучит повсюду – в магазинах, в парикмахерских, молодые люди слушают ее в наушниках. То есть попса создала музыкальный фон существования людей. Это по всем параметрам не сравнимо с тем фольклором, который рождало раньше само общество и оставило нам в наследство. Этот фольклор мы почти полностью растеряли. Вместо того чтобы продуцировать что-то, легче потреблять, и все ту же попсу. Для этого работа души не требуется. Но если гово-

речь о прогнозах в отношении так называемого «элитарного искусства», то в обществе, безусловно, происходят невидимые нашему взору процессы. Ведь наряду с теми, кто слушает сутки напролет попсу, есть и другая молодежь, которой неинтересно грызть музыкальные и литературные семечки и у которой есть иные интересы. Мне кажется, что подрастает поколение, которое начинает иначе осмысливать жизненные процессы. Это поколение, для которого духовный поиск не пустое слово и которое в высоком искусстве будет стремиться найти ответы на свои вопросы.

- Их не будут увлекать детективы на «развалах» и телебоевики?

Это шелуха, которая обсыпется. Она не представляет на самом деле серьезной опасности. Это детская болезнь, которая проходит.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Если коллектив и я как его руководитель ставим перед собой целью нашей деятельности нравственное совершенствование личности, то, я думаю, это в полном смысле слова служение. Можно говорить какие-то высокие слова о служении музыке. Но в конечном итоге все делается для человека. И поэтому я счастлив, когда после духовных программ хора аплодисменты раздаются не сразу, а возникает какая-то пауза. Тогда я чувствую, что между сценой и публикой есть вольтова дуга. Человек не просто тебя слушает, а он ушел глубоко в себя и впитывает то, что звучит со сцены. И если он не сразу выходит из этого состояния, то это высшая награда. Нашему хору уже 30 лет, и наше служение началось фактически с первой же программы.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Я начну с конкретного примера. Когда я бываю на Западе, всегда стремлюсь попасть в оперный театр. Довольно часто оперные постановки меня удручают, поскольку речь идет не о раскрытии содержания произведения, а о том, чтобы перещеголять предыдущую постановку. Или, скажем, выступление трех теноров. Это ведь к искусству не имеет отношения. Это шоу. А раз артисты готовы участвовать в шоу, то тут во главе угла стоят не вопросы искусства, а нечто другое. Раньше я думал, что на Западе планка держится высоко. Ничего подобного. Эта планка постепенно сползает на обочину столбовой дороги искусства. Тон задается модой на шоу, пришедшей из Америки. И к такому проявлению глобализации, которое приводит к потере культурных достижений, я не готов.

- Как вам представляется, насколько сильны негативные влияния процесса глобализации? Может быть, это только внешние моменты, как чипсы и кока-кола?

Я в этом смысле пессимист. Потому что пока во главе угла будет стоять звонкая монета, ничего не изменится. А сейчас звонкая монета решает все. Для того, чтобы восторжествовало искусство таких гигантов, как Бруно Вальтер, Отто Клемперер, общество должно ставить перед собой другие задачи. Необходимо, чтобы возобладали подлинные ценности. А на сегодняшний день торжествуют ложные. И это имеет характер глобальный.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Думаю, что эти отношения складываются по-другому, чем в прошлые времена. Во всяком случае с момента празднования 1000-летия крещения Руси эти отношения явно изменились. Как именно, не могу сказать доподлинно, но они стали достаточно уважительными. Что касается влияния на культуру, то тут можно только надеяться, что когда-то произойдут изменения. Церковь сейчас занимается воскресными школами, пытается в общеобразовательных школах ввести основы богословия. Я думаю, надеяться нужно на будущие поколения, которые будут с малых лет воспитываться в несколько другом духе. Люди, которые придут через 20–30 лет, будут, вероятно, обладать другой культурой и будут иметь другие духовные запросы. На нынешнее молодое поколение я не слишком надеюсь. Вряд ли оно изменит свои запросы и потребности, разве совсем уж надоест питаться попсой. Хотя в других странах я наблюдал, что люди где-то к 30-ти годам становятся другими. Может быть, это коснется и нас.

- Еще 10 лет назад религиозная тема в искусстве была под запретом. Сейчас все можно. Многие коллективы исполняют теперь духовную музыку – старую и вновь написанную. Как вы относитесь к этому явлению?

Этот процесс, к сожалению, идет вширь, а не вглубь. Наш коллектив пел духовную музыку, когда она, действительно, находилась под запретом. Я хотел показать людям тот пласт богатейшей духовной культуры, которого они не знали и не знают. Мне хотелось показать им, что русская музыка родилась не после Глинки, а за несколько веков до него. Мне было приятно ощущать, что после концерта человек испытывает катарсис, то самое духовное очищение, когда он начинает задавать себе вопросы: «Зачем я пришел в этот мир? Что я творю, добро или зло?». И, наконец, эта музыка объединяла людей в зале в какое-то братство. Она вызывала вполне нормальное чувство гордости за свою культуру, за свою нацию. Сейчас исполнять духовную музыку стало модным, и за это берутся люди мало-сведущие. Сейчас все стали носить кресты, покупать иконки, которые продаются

на каждом углу. Но все это немножко лубок. Через это надо пройти. Плохого здесь нет. Это гораздо лучше, чем слушать попсу. Но надо дождаться, когда процесс пойдет вглубь, а не вширь.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Для меня самое главное, что советская эпоха завершилась и что к прежнему не будет возврата. Лучше быть голодным, но свободным, чем сытым и в тюрьме или в концлагере. Что касается изменений в культуре, то это вопрос преждевременный. Прошло всего 12 лет. Какие могут быть тенденции? Мы живем сейчас в густо насыщенном коллоидном растворе. Нам пока непонятно, какие процессы идут в культуре подспудно. Что-то должно вывариться, то ли, как говорил Плеханов, «в котле капитализма», то ли в каком-то другом резервуаре. Сейчас все вываривается, и тенденции будут ясны спустя по крайней мере четверть века. Тогда станет ясно, что и куда идет. Вот говорят, что технический прогресс сейчас идет по спирали. Но что касается «человеческого роста», то он явно не адекватен техническому прогрессу. Я верю, что жизнь наша как-то устаканится, войдет в нормальное русло. В России ведь всегда рождалось и рождается огромное количество талантов. И через какое-то время они смогут в своей стране проявлять себя сполна. Я надеюсь, что возродятся лучшие национальные качества: совесть, самосозерцание, доброта. У Бердяева хорошо сказано о том, что такое русский. В нем происходит извечная борьба. Он способен как на высочайший поступок, так и на самый низменный. Иногда низменного больше, чем высокого. Но я все-таки надеюсь, что станет наоборот.